

— Ну это просто читалка. Электронная книга, вроде айпада, что ли... Он сказал, что загрузил в нее все рукописи, которые вам нужно прочитать за выходные, чтобы не таскать тяжести. Хотите, покажу, как ею пользоваться? Вот, смотрите, это экран, а на нем — все ваши рукописи. Они хранятся на виртуальных книжных полках. Дотрагиваетесь до какой-нибудь одной, и она тут же открывается. Ух ты, да их тут целая куча. Не представляю, как вы все это прочтете за два дня. Вот, глядите, текст открывается.

— А как же их перелистывать?

— Нажмите пальцем вот здесь, в нижнем углу, и появится следующая страница.

— Как в настоящей книге?

— Ну да, это специально так придумали. Пошли навстречу старичкам. Когда все забудут, что на свете были бумажные книги, еще удивятся, зачем эта опция. Можно же проматывать текст по вертикали. Скроллингом. Так гораздо удобнее...

— То-то Керуак обрадуется.

Это имя не вызвало у нее никакой реакции.

— Простите, месье, но мне надо бежать. У меня сегодня самолет. Не читайте слишком много!

— В мои-то годы...

Она поднялась и ровно через секунду исчезла за дверью, аккуратно прикрыв ее за собой, а я попытался приручить читалку. Она была черная, холодная, враждебная. Я ей не нравился. На гладкой поверхности не торчало ни одной кнопки. Ни ручки, ни петли, чтобы носить в руке, как папку или портфель, — только хайтековский шик, стильный, как загорелый швед. Черный матовый или блестящий — по выбору — экран. Все обтекаемое, тонкое, стеклянное, невесомое (я прикинул на ладони).

Я положил читалку на стол и прилег на нее щекой. Она не шелестела, не сминалась, не пачкала. Ничто не наводило на мысль о том, что у нее внутри хранится множество книг. Но главное — она была жутко неудобной: в портфеле потеряется, слишком мала; в кармане не поместится, слишком велика.

Если честно, больше всего она напоминала Меньше. «Главного начальника». С такими невозможно найти общий язык.

Так что там эта девчонка говорила насчет книг и концертов? Похоже, мне придется расстаться со своим объемистым портфелем. Я таскаю его со студенческой поры, и развод будет трудным. Мы

с ним любили друг друга, хотя никогда не высказывали своих чувств вслух. Доверху набитый вечером пятницы, он с точностью показывал, сколько весит моя работа. Из-за него мое левое плечо опущено чуть ниже правого. Профессиональная деформация. Квазимодо.

Теперь мне понадобится специальный футляр для читалки. Только с ручкой, пожалуйста. Я уверен, что такой уже лежит у Менье в ящике стола и в понедельник утром он торжественно вручит его мне, потребовав поделиться впечатлениями о своем подарке. «Надо идти в ногу со временем, Гастон!» Это его любимая шутка — называть меня Гастоном. Наверное, он думает, что доставляет мне удовольствие. А может, просто пытается блеснуть остроумием. Никаких иллюзий я не питаю — футляр, конечно, будет не от «Эрме» и даже не от «Лоншана», скорее всего, синтетическая подделка под крокодиловую кожу с противоударной прокладкой внутри. Вылитый Менье.

Пора домой, давно пора. Но мне хочется задержаться еще на минуту, полежать щекой на бумажных листах, — всего одну минуту, чтобы напоследок принюхаться к рукописи. Почувствуй, чем пахнет страница, и считай, ты ее прочитал.

Менье. Не надо быть Нострадамусом, чтобы предсказать его поступки. Когда он впервые вошел ко мне в кабинет, я увидел перед собой мальчика в стариковском костюме. У него была непропорционально большая голова резинового пупса, торчавшая над уродливым, но черным галстуком, дешевой, но белой рубашкой и плохо скроенным, но серым пиджаком. Он только что окончил бизнес-школу и явился устраивать мне аудиторскую проверку. Его прислали шишки из холдинга, который выкупил у меня издательство, чтобы навести прозрачность в моей бухгалтерии — до того прозрачной, что сквозь нее можно было смотреть как сквозь стекло. Я в тот момент переживал не лучшие времена: четыре обреченные на успех книги подряд провалились, а два летних бестселлера оказались бэдселлерами. Мои финансы пели романсы. Мне страшно хотелось дать ему пинка под зад, но, как ни странно, под толстой коркой кретинизма я разглядел в нем проблески ума. Помню, я даже пытался объяснить ему, как работает книжное издательство, надеясь, что он хоть что-нибудь поймет и оторвется наконец от кипы счетов.

Спустя неделю, в течение которой он каждый день работал до десяти вечера, Менье с торжествующим видом вошел в мой кабинет и заявил:

— Я нашел решение вашей проблемы, месье Дюбуа!

Помахал перед собой пачкой листков и провозгласил:

— Надо отказаться от книг, которые продаются тиражом меньше пятнадцати тысяч экземпляров, — и вы выйдете в ноль. А если сократить две штатные единицы, то уже в первый год можно рассчитывать на небольшую прибыль.

Самое поразительное (Менье по-прежнему не перестает меня изумлять: судите сами, насколько хорошо я разбираюсь в мужчинах), что я ему даже не врезал. После долгого молчания я выдвинул правый ящик стола и протянул ему годовой издательский план.

— Гениально, месье Менье. Вот план книгоиздания на будущий год. Будьте добры, отметьте те книги, которые разойдутся тиражом меньше пятнадцати тысяч, и я с радостью их вычеркну.

Он внимательно, словно прилежный ученик, изучил листок и вернул его мне.

— Затрудняюсь, — признал он. — Я не всех этих авторов знаю.

— Видите ли, все дело в том, что точно сказать, продашь ты пятнадцать тысяч экземпляров или нет, можно только *после* выхода книги. Даже если знаешь всех авторов. Гораздо важнее знать покупателя.

— Значит, нужно провести маркетинговое исследование рынка.

— А вам известно, во что оно обойдется, месяце Менье? Не старайтесь, все равно не угадаете. В три раза дороже, чем выпуск книги. Поэтому мы и завели дурную привычку сначала печатать книги, а потом смотреть, как они продаются. Это называется издательский бизнес. И я, так уж сложилось, занимаюсь им профессионально.

Следующие несколько дней я наблюдал, как он шатается по коридорам, постепенно ослабляя узел галстука, а потом и вовсе сунув эту деталь костюма в карман. Видно было, как его мозг выкипает в бесплодных попытках соединить вместе части

головоломки, которые не желали складываться в связную картину. Да уж, задал я ему задачку. Затем была Женестьева и ночь долгих поцелуев — и он пропал с потрохами. Эта дылда весь день пишет как проклятая, а по ночам для восстановления сил пожирает молоденьких парнишек. Она поведала ему, как прекрасно писательское ремесло, какими розами и шипами усыпан путь литератора. Она смяла его простыни в гармошку. Всего за несколько недель Менье совершил массу головокружительных открытий и подхватил вирус. Книгоиздание — это болезнь, передающаяся половым путем. К этому мы еще вернемся. С тех пор Менье и прилип ко мне как банный лист. Он отверг предложение аудиторской компании *PricewaterhouseCoopers*, хотя они сулили ему сумасшедшую зарплату, и с благословения акул капитализма, по отношению ко мне довольно прижимистых, решил остаться в издательском бизнесе. Видеть его не могу.

В кои-то веки Бальмер меня не надул. Вот он, за моим столом, на пузе салфетка, вид хитрющий и довольный. И тексты у него в точности такие

же. В данный момент он о чем-то горячо спорит с мадам Мартен. Айфон лежит рядом, на скатерти, и Бальмер придерживает его рукой.

— Учти, позволишь ей заговорить тебе зубы, она всучит тебе свою кошмарную утку под апельсиновым соусом. А если ты станешь при мне есть эту гадость, я потребую развода.

— Предупреждаю: в случае развода дети останутся со мной.

— Одной заботой меньше.

— А если я закажу тушеный порей и свинину, ты не откажешься оплатить счет?

— Против порея не возражаю. Себе я возьму морской язык. Мне необходимо восстановить отношения с морским языком. Что касается счета — полагаю, у меня нет выбора. Бруйи.

— Это совет?

— Это приказ. Ну что, как поживаешь, киберавтор?

— Я напал на золотую жилу, уж ты мне поверь. Пока вы тратите кучу денег, чтобы научиться продавать свое старье в цифре и при этом не рассориться с книготорговлей, которую все равно не сегодня завтра прикончите, мы лудим себе

всякие штучки-дрючки для гаджетов и ни от кого не зависим.

— А как насчет личной независимости?

— Да я для них царь и бог.

— А остальные?

— Остальные или последуют моему примеру, или будут писать по старинке. Ты пойми, бумажные книги совсем не исчезнут. Будет и то и другое. Такие вещи в одну минуту не меняются.

— И чем конкретно ты занят?

— Военная тайна. Ты же не думаешь, что я вот так с ходу выложу тебе все свои секреты? Расслабься. Порей выше всяких похвал.

— Не представляю, что за хрень она добавляет в соус. Хотя за столько лет должен был догадаться. Ну ладно, но книгу-то ты пишешь? Смотри, не кинь меня, она мне нужна к осени.

— Получишь свое, не волнуйся. Я еще не научился писать по старинке, как ты любишь. Скоро кончаю.

— Горю желанием прочитать.

— А я, если честно, отнюдь не горю желанием подписывать твой договор. Не хотелось бы лишиться прав на электронное издание. Продать его ты все равно не сможешь, а мои права присвоишь. И я останусь с носом.

— Это к Менье.

— Мне по фигу, кто там у вас заправляет, ты или Менье, я знаю одно: у вас меня обдирают как липку. До лозунга «Вся власть творцу» вам еще далеко. Вы продолжаете подсовывать авторам договоры на бумажные права, как будто ничего не меняется, хотя на самом деле все меняется на глазах. Для творческих личностей вы что-то слишком неповоротливы. Так что давай для начала продай мне двести тысяч экземпляров в бумажной версии, а там посмотрим.

— Ну так и не подписывай. Вычеркни из договора этот пункт и оставь свои права при себе. Как ты думаешь, эти твои гении от кибернетики собираются заняться издательским бизнесом?

— Ну, раз они начали печатать тексты для широкой публики, наверное, идут в этом направлении.

— Могу я попросить тебя об одной услуге? Разрежь, пожалуйста, мне эту рыбину.

— У тебя что, руки болят?